росином обширных и очень сложных по составу памятников, его умение сопоставлять эти памятники и дополнять одни памятники другими — все это говорит о том, что Ефросин был не только редактором-книгописцем, но и большим знатоком современной ему книжности. Мы уже знаем, что в своих записях Ефросин отмечал количество книг в Троицком монастыре, упоминал наличие редкой переводной книги в Кирилловом монастыре и ссылался на использованные им монастырские книги. Постоянно упоминая в своих сборниках древнейшего писца и собирателя книг — царя Соломона, Ефросин сопоставлял его с библиофилами более позднего времени — с «Исидором книголюбцем» и даже «Оригеоном еретиком»; в другом месте он замечал на поле: «некто Дмитрей книгохранитель, яко суть книг собрано пол шесты тмы и еще посла в Иерусалим о книгах».[168] Естественно, что Ефросин вспомнил и древнейшего переводчика греческих книг «на словенскы язык» Кирилла.[169]

Но источником разнообразных познаний Ефросина были не одни только книжные богатства монастырских книгохранилищ. Переходя из одного монастыря в другой, любознательный книгописец не чуждался и тех познаний и известий, которые он мог почерпнуть вне монастырских стен; на полях своих сборников он отмечал даже такие новости, как, например: «на Москве некто тать именем Куладар до 300 церквей покрал».[170] Ефросин следил, конечно, и за книжными новинками, появлявшимися в «миру». Такой новинкой была, очевидно, «Псалтырь» Федора, переведенная в эти годы, такими же новинками были «Свиток Иерусалимский» («Епистолия о неделе») и «Повесть о Дракуле» — литературные памятники, о которых мы будем говорить ниже. Здесь мы остановимся только на одном из таких памятников, весьма интересном. Это послание Феофила Дедеркина великому князю Василию Васильевичу Темному «из Заримья из латины», где рассказывается, как некий «князь Микалай» «латинскаго языка и веры» в конце 1456 г., незадолго до своей смерти, «порочьствовал на свою веру на латиньскую» и как через три дня после его смерти в «Римьской стране» и соседних землях произошло страшное землетрясение, в результате которого погибло 45 городов (перечисленных в послании).[171] П. Симони, издавший этот памятник в предисловии к «Задонщине», отметил его историко-литературную ценность, но отказался от его исследования; в надписании этого памятника он видел скорее «ложный адрес», так как предположительно отожествлял автора послания Феофила и «князя Миколая» с врачами Феофилом и Николаем Булевым, присутствовавшими при кончине Василия III в 1533 г., т. е. почти спустя 80 лет после даты, поставленной на послании.[172] А между тем сопоставление с иностранными источниками XV в. показало бы П. Симони, что перед нами не сказка, написанная задним числом, а рассказ об огромном землетрясении, действительно происшедшем в Италии и других странах Западной Европы в ночь с 4-го на

---

[168] КБ-9, лл. 223 (ср. такое же сравнение в сборнике БАН, 4. 3. 15, л. 44 об.), 464.

[169] КБ-22, л. 439 об. — Интерес Ефросина к истории наук получил отражение в его заметке о первом астрономе Мунде (Мунте), внуке Ноя (КБ-22, л. 341 об.), отличающейся от другого рассказа о том же Мунте, помещенного им в составе Палеи (КБ-11, л. 287—287 об., см. ниже, стр. 160).

[170] КБ-9, л. 2. — Этого Куладара, может быть, следует сопоставить с Кулодаром Ирешским выдавшим Дмитрию Шемяке замыслы Василия II и за это наказанным кнутом (ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 150—151).

[171] КБ-9, лл. 517 об.—519 об.

[172] П. Симони. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий, стр. 13—16. — П. Симони призывал профессоров Н. Ф. Сумцова и В. Н. Перетца исследовать этот памятник, но, насколько нам известно, они им не занимались.